

Э.Б. Кондильяк

**Сочинения в трех томах.
Философское наследие**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Э1

Э1 **Э.Б. Кондильяк**
Сочинения в трех томах. Философское наследие: Том 2 / Э.Б. Кондильяк – М.:
Книга по Требованию, 2018. – 547 с.

ISBN 978-5-458-45607-4

Этьенн Бонно де Кондильяк является автором собрания сочинений в трех томах. Темой книги является философское наследие.

ISBN 978-5-458-45607-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

**ТРАКТАТ
О СИСТЕМАХ**

ГЛАВА I

О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО РАЗЛИЧАТЬ ТРИ ВИДА СИСТЕМ

Всякая система есть не что иное, как расположение различных частей какого-нибудь искусства или науки в известном порядке, в котором они все взаимно поддерживают друг друга и в котором последние части объясняются первыми. Части, содержащие объяснения других частей, называются *принципами* ¹, и система тем более совершенна, чем меньше число ее принципов; желательно даже, чтобы число их сводилось к одному.

В трудах философов можно выделить три вида принципов, из которых образуются три вида систем.

Принципы, которые, как самые модные, я отношу к первому виду, — это общие, или абстрактные, максимы. Требуется, чтобы они были столь очевидными или столь хорошо доказанными, чтобы в них нельзя было усомниться. Действительно, если бы они были недостоверными, то у нас не было бы уверенности в правильности выводимых из них следствий.

Именно об этих принципах говорит автор «Искусства мыслить» ², когда заявляет: «Все согласны с тем, что важно иметь в уме несколько аксиом и принципов, которые, будучи ясными и бесспорными, могли бы служить нам основой для познания самых сокровенных вещей. Но приводимые обычно принципы столь мало пригодны, что их по существу бесполезно знать. Действительно, то, что называют первым принципом познания, а именно положение *невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была*, очень ясно и достоверно, но я не знаю такого случая, когда этот принцип мог бы дать нам какое-нибудь знание. Поэтому я полагаю, что нижеследующие принципы будут более полезны» *.

Затем он приводит в качестве первого принципа следующий: *можно утверждать как истину все то, что содержится в ясной и отчетливой идее какой-нибудь вещи*; в качестве второго: *в идее всего того, что мы представляем себе ясно и отчетливо, содержится существование (existen-*

* Ч. IV, гл. 7

се), по крайней мере возможное; в качестве третьего: *небытие (néant)* не может быть причиной никакой вещи. Таких принципов он придумал до одиннадцати. Но было бы бесполезно приводить остальные; для примера достаточно вышеназванных.

Философы приписывают этого рода принципам такое большое значение, что естественно было стремление умножить их. В этом отношении особенно отличались метафизики. Декарт, Мальбранш, Лейбниц и другие — все они старались перещегоодять друг друга в сочинении этих принципов, и нам остается лишь пенять на самих себя, если нам не удалось еще проникнуть в сущность *самых сокровенных вещей*.

Принципами второго вида являются предположения (suppositions), выдвигаемые для объяснения вещей, причины которых иначе нельзя было бы указать. Если эти предположения не кажутся невозможными и дают какое-то объяснение известных нам явлений, философы уже не сомневаются в том, что им удалось открыть подлинный механизм действия природы. Возможно ли, заявляют они, чтобы ложное предположение давало столь правильные результаты? Отсюда возникло убеждение, что способность объяснять явления доказывает истинность предположения и что о какой-нибудь системе следует судить не столько по ее принципам, сколько по тому, как она объясняет вещи. Ни у кого не вызывает сомнений то обстоятельство, что предположения, бывшие вначале произвольными, становятся бесспорными лишь благодаря искусству, с каким их применяют.

Метафизики были так же изобретательны в отношении принципов этого второго вида, как и в отношении первого³. Благодаря их усилиям не осталось ничего, что могло бы быть для метафизики загадкой. Метафизика на их языке означает науку о первых истинах, о первых принципах вещей. Но надо признать, что этой науки в их трудах нет.

Отвлеченные понятия являются не чем иным, как идеями, составленными из того, что обще нескольким частным идеям. Таково, например, понятие животного: оно является квинтэссенцией того, что равным образом входит в идеи человека, лошади, обезьяны и т. д. Благодаря этому отвлеченные понятия служат как будто для объяснения того, что мы замечаем в отдельных предметах. Если, например, задают вопрос, почему лошадь ходит, ест, пьет, то на это весьма философски отвечают, что это происходит

лишь потому, что она — животное. При тщательном анализе этот ответ означает не что иное, как то, что лошадь ходит, пьет, ест потому, что она действительно ходит, пьет, ест. Но люди лишь в редких случаях не довольствуются первым попавшимся ответом. Можно сказать, что их любознательность побуждает их не столько осведомляться о какой-либо одной вещи, сколько задавать вопросы по поводу нескольких. Самоуверенность философа импонирует им. Они опасаются показаться слишком малопонятливыми, если будут интересоваться одним и тем же вопросом. Если изречение оракула составлено из привычных им выражений, им уже стыдно сознаться в непонимании его, а если они не могут скрыть своего непонимания, то одного взгляда их учителя, кажется, довольно для устранения этого. Можно ли сомневаться в чем-нибудь, если тот, кому абсолютно доверяют, сам ни в чем не сомневается? Не удивительно поэтому, что число абстрактных принципов настолько увеличилось и что во все времена они считались источником наших знаний.

Отвлеченные понятия абсолютно необходимы для внесения порядка в наши знания, так как они указывают каждой идее ее место. Вот каково должно быть их назначение. Но воображать, что они созданы для того, чтобы получать конкретные знания, — заблуждение тем большее, что они сами состояются лишь на основании этих знаний. Поэтому если я буду осуждать абстрактные принципы, то меня не следует подозревать в том, будто я требую, чтобы перестали пользоваться какими бы то ни было отвлеченными понятиями. Это было бы нелепо; я требую лишь, чтобы их никогда не принимали за принципы, способные привести к открытиям.

Что касается предположений, то они представляют собой такую благодать для невежд, столь удобны; воображение изобретает их с таким удовольствием, так легко; лежа в постели, буквально не шевеля пальцем, творишь, управляешь вселенной! Все это не более чем пустые грезы, однако философ легко предается грезам.

Но не так легко правильно следовать опыту и собирать факты, учитывая различия между ними. Поэтому мы редко принимаем в качестве принципов лишь твердо установленные факты, хотя таких фактов в нашем распоряжении, может быть, гораздо больше, чем мы думаем. Но так как наш навык в использовании этих фактов невелик, мы не знаем, каким образом их применить. Мы располагаем, по

всей вероятности, объяснением многих явлений, а отправляемся на поиски такого объяснения весьма далеко. Например, тяжесть тел была твердо установленным фактом во все времена, но лишь в наши дни ее признали принципом ⁴.

На принципах этого последнего вида покоятся истинные системы, единственные, которые заслуживают этого названия. Действительно, только с помощью этих принципов мы можем объяснить вещи, механизм действия которых нам позволено открыть. Я буду называть абстрактными те системы, которые покоятся лишь на абстрактных принципах, а гипотезами — те, в основе которых лежат лишь предположения. Смешивая эти различные виды принципов, можно было бы образовать еще и другие виды систем, но так как их всегда можно более или менее свести к одному из трех указанных мною видов, то бесполезно создавать новые.

Установленные факты — вот, собственно, единственные принципы наук ⁵. Как же сумели выдумать другие принципы? Этот вопрос мы сейчас исследуем.

Системы древнее философов: сама природа заставляет создавать их, и они создаются неплохо, когда в качестве учителя люди имеют только природу. В то время система могла быть и была лишь плодом наблюдения. Еще не выдвигалась задача найти объяснение всему. Имелись потребности, и искали средства их удовлетворения.

Только путем наблюдения можно было найти эти средства, и наблюдали, поскольку были вынуждены это делать. Не зная того, что позднее назвали принципами, имели по крайней мере то преимущество, что были ограждены от множества заблуждений. Ибо, чтобы впасть в заблуждение, необходимо начать познавать, и часто кажется, что философы располагали только этим началом.

Итак, люди наблюдали, т. е. они замечали факты, относящиеся к их потребностям.

Так как потребностей было мало, требовалось немного наблюдений. А так как это были самые насущные потребности, то обманывались редко. Во всяком случае, заблуждения были лишь временными: о том, что они впали в заблуждение, люди получали предупреждение тотчас же, поскольку оказывались неудовлетворенными их потребностями.

Наблюдение совершалось еще только на ощупь. Не всегда, таким образом, можно было удостовериться в факте

сразу же после того, как его, казалось, обнаружили. Строили догадки, предполагали, и за неимением лучшего предположение ставилось на место открытия, которое подтверждалось или опровергалось новым наблюдением.

Таким путем природа руководила людьми, и так они обучались, не замечая, что переходят от одних знаний к другим, следуя связи фактов, хорошо исследованных путем наблюдения.

Поскольку они совершали открытия, имеющие непосредственное отношение к их потребностям, очевидно, что для совершения открытий иного рода им не оставалось ничего другого, как придерживаться такого же образа действий. Первое наблюдение, сделанное на ощупь, вызвало у людей догадки (*conjectures*). Эти догадки указывали им на необходимость других наблюдений, а новые наблюдения подтверждали предсказанные факты.

Когда имелось достаточно большое количество фактов для объяснения явлений, причину которых искали, системы оказывались завершенными, так сказать, сами собой, потому что факты сами собой располагались в порядок, где они последовательно объяснялись — одни посредством других. Тогда становилось очевидно, что во всякой системе есть первый факт, факт, являющийся началом, который по этой причине называли *принципом*, ибо *принцип* и *начало* — слова, обычно означающие одно и то же.

Предположения — это, собственно, лишь догадки, и если мы нуждаемся в выдвигании предположений, то это происходит оттого, что мы осуждены двигаться на ощупь.

Раз предположения всего лишь догадки, они не являются установленными фактами; следовательно, они не могут быть принципом, или началом, системы, ибо в таком случае вся система сведется к догадке.

Но, не являясь принципом, или началом, системы, они являются принципом, или началом, средств, которыми мы располагаем для того, чтобы открывать принципы. И поскольку предположения суть принципы этих средств, люди поверили, будто предположения представляют собой также принцип системы. Таким образом, смешали две совершенно различные вещи.

По мере того как мы приобретаем познания, мы должны разделять их на классы: у нас нет иного средства для наведения порядка в наших знаниях. Классы меньшей общности состоят из индивидов, и их называют вида-

ми по отношению к классам большей общности, которые называют родами. Классы, являющиеся родами по отношению к подчиненным им классам, сами оказываются видами по отношению к другим, более общим классам. Так, переходя от одних классов к другим, мы в конце концов приходим к роду, включающему в себя все классы.

Когда это разделение совершено, у нас есть весьма простое (*bien abrégé*) средство, чтобы разобраться в своих познаниях: для этого надо начать с самых общих классов, ибо высший род есть, собственно, лишь сокращенное выражение, заключающее в себе все подчиненные классы и позволяющее разом охватить их. Например, когда я говорю *сущее* (*être*)⁶, я вижу субстанцию и модификацию, тело и дух, качество и свойство — словом, я вижу все деления и подразделения, имеющиеся между сущим и индивидами. Следовательно, я должен начинать со всеобщего класса, когда хочу быстро представить себе множество вещей, и тогда можно сказать, что этот класс есть начало и принцип. Вот что туманно представляли себе, утверждая: *всеобщие идеи, всеобщие максимы являются принципами наук*.

Итак, я повторяю: одни лишь твердо установленные факты могут быть истинными принципами наук. Если же в качестве принципа системы принимались предположения, или всеобщие максимы, то это происходило вследствие того, что, не отдавая себе отчета в наблюдаемом, полагали, будто предположения и общие максимы суть принцип, или начало, чего-то.

ГЛАВА II

О БЕСПОЛЕЗНОСТИ АБСТРАКТНЫХ СИСТЕМ

Философы, которые верят в абстрактные принципы, заявляют: станем тщательно рассматривать идеи, наиболее близкие к всеобщности первых принципов, составим из них предложения, и мы получим менее общие истины; рассмотрим затем идеи, наиболее близкие по своей всеобщности к только что полученным нами таким образом результатам, составим из них новые предложения; будем продолжать таким же образом, не забывая применять наши первые принципы к каждому открываемому нами предложению, и мы постепенно низойдем от общих принципов к самым частным, конкретным знаниям.

Согласно взглядам этих философов, бог, сотворив наши души, удовольствовался начертанием на них некоторых общих принципов; приобретаемые нами впоследствии знания являются лишь нашими дедукциями из этих врожденных принципов. Мы знаем, что наше тело больше головы, лишь потому, что применяем к идеям *тела* и *головы* принцип *целое больше своей части*. Но чтобы нас не поражал тот факт, что мы применяем этот принцип, сами того не замечая, нас предупреждают, что эта операция производится скрыто и усвоенная нами привычка часто повторять одни и те же суждения мешает нам заметить их подлинный источник. Таким образом, согласно взглядам этих философов, абстрактные принципы столь бесспорно являются источником наших познаний, что, если отнять их у нас, невозможно представить, чтобы среди самых очевидных истин нашлась хоть одна, доступная нам. Но в действительности эти философы переворачивают порядок образования наших идей.

Назначение более простых идей — подготовить нас к пониманию более сложных. Но каждый знает по собственному опыту, что идеи тем проще, чем менее они абстрактны и чем ближе к чувствам, и что, наоборот, они тем сложнее, чем более они абстрактны и далеки от чувств. Объясняется это тем, что все наши знания происходят из чувств. Поэтому всякая абстрактная идея должна быть объяснена другой, менее абстрактной, и так следует поступать последовательно до тех пор, пока мы не придем к некоторой частной и чувственной (*sensible*) идее.

Вообще первейшая задача философа — точно определить свои идеи. Частные, конкретные идеи определяются сами собой, и только они определяются таким образом. Наоборот, отвлеченные понятия по существу расплывчаты и не представляют ничего прочно установленного, если они не были определены с помощью других понятий. Но с помощью ли еще более абстрактных понятий? Разумеется, нет, ибо эти последние сами нуждаются в определении. Следовательно, это будет сделано с помощью частных идей. Действительно, нет ничего более подходящего для объяснения какого-либо понятия, чем понятие, породившее его. Следовательно, ошибаются те, кто утверждает, что источником наших знаний являются абстрактные принципы*.

* Локку было известно, что абстрактные максимы не являются источником наших знаний. Я не буду приводить здесь его соображений по